

ЕЩЕ РАЗ О «СУЗУНСКОМ» ШЛЕМЕ*

В статье рассмотрен клепаный железный шлем, хранящийся в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Наголовье было обнаружено в конце XIX в. в Сузунском бору, в окрестностях оз. Осинина (в настоящее время – Сузунский район Новосибирской области). Шлем уже дважды становился объектом научного исследования (в 1888 и 2007 гг.). В настоящей работе проанализированы элементы конструкции и декора шлема, ранее не привлекавшие внимания исследователей (система крепления бармицы, изображения драконов на обруче и др.), а также реконструированы варианты первоначального вида наголовья. Получило подтверждение ранее высказанное предположение о датировке шлема периодами развитого и позднего Средневековья. Установлено, что ближайшим конструктивным аналогом рассматриваемого образца защитного вооружения является золотоордынский шлем конца XIII – начала XIV вв., найденный на территории Приднестровья у с. Плоское. Наиболее точные аналоги изображений фениксов на тулье шлема происходят с территории Юаньского и Минского Китая XIV–XV вв. На основании анализа конструкции и системы декоративного оформления «сузунский» шлем датирован концом XIII – началом XV вв. Наиболее вероятной датой изготовления шлема следует считать середину XIV в. Вопрос о месте производства шлема остается открытым. Наряду с Ираном он мог быть выкован в городских ремесленных центрах Средней Азии или Золотой Орды. Заказчиком и первым владельцем шлема, вероятно, являлся знатный воин одного из Чингизидских государств рассматриваемого периода. По всей видимости, богато оформленное наголовье продолжало использоваться на протяжении длительного исторического периода. На территорию Западной Сибири оно могло попасть в ходе военных конфликтов, вызванных распадом Золотой Орды.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Монгольская империя, Иран, Золотая Орда, защитное вооружение, шлем.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19)-02

В 1875 г. во время тушения пожара в Сузунском бору, в 25 верстах (ок. 27 км) от Сузунского завода, в двух верстах (ок. 2,1 км) от оз. Осинина, на территории бывшей Томской губернии**, крестьянином Яковом Бархатовым был обнаружен железный шлем, украшенный серией изображений, выполненных в технике золотой насечки. Сельский писарь Чапчинский волости Бийского округа Осипов, сообщая властям о данной находке, особо отметил, что при извлечении шлема из земли он был поврежден крестьянами: «... найдена железная каска, в земле, со цветами по ней червонного золота и изображением на ней птиц в виде орла. Во время розыска (т.е. при земляной пожарной работе) неопытным народом сзади она изломана и пика сверху сломана» [Ожередов, Худяков, 2007, с. 94]. По мнению Осипова, найденная «каска» могла принадлежать кому-то из «... князей древних азиатских племен» [Ожередов, Худяков, 2007, с. 94]. В 1876 г. шлем был передан представителям сначала волостных, а затем окружных властей.

Из переписки должностных лиц, изложенной в кратком виде в «Отношении инспектора училищ Западной Сибири, направленном в Строительный комитет Томского университета 5 ноября 1884 г.», становится понятным, что богато оформленный шлем уже изначально предполагался к передаче в Сибирский университет, местом устройства которого поначалу называли г. Омск. По данной причине в письме томского губернатора от 24 августа 1876 г. в адрес генерал-губернатора Западной Сибири относи-

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект №1.4539.2017/8.9).

** В настоящее время – Сузунский район Новосибирской области.

тельно интересующего нас наголовья была сделана следующая пометка: «... в дар для будущего Омского университета найденные крестьянином Бархатовым в земле близ озера Осинина железную с золотыми изображениями каску (шлем)». Интересно также продолжение письма, в котором открывается следующая подробность: «Бывшим в 1876 г. генерал-губернатором Западной Сибири была положена резолюция следующего содержания «хранить до времени учреждения и открытия университета» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17. Л. 72–72об.]. Однако усилиями ряда лиц и, прежде всего, устроителя Сибирского университета В.М. Флоринского местом закладки высшего учебного заведения был выбран Томск. Поэтому далее в Отношении говорится, что «Ввиду предстоящего открытия Сибирского университета имею честь препроводить в особом ящике вышеуказанный железный шлем, о получении которого покорнейше прошу меня уведомить» [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17. Л. 72]. Таким образом, «сузунский» шлем на протяжении восьми лет хранился в Омске и только в 1884 г. был доставлен в Томск. В «Отношении от 28 ноября сего года», отправленном из Строительного комитета в ответ на письмо инспектора училищ Западной Сибири, подтверждается получение названного шлема [ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17. Л. 73].

По завершении в 1885 г. строительства главного корпуса Сибирского университета в Томске в нем разместился археологический музей, куда на постоянное хранение и поступило «сузунское» наголовье. Впервые шлем был исследован В.М. Флоринским, опубликовавшим в 1888 г. данный образец защитного вооружения. Знаменитый исследователь дал подробное описание конструкции «каска» и привел некоторые размеры составляющих ее элементов. По его мнению, наголовье относилось к «шлемам русского типа» и было, «несомненно, русским». Согласно предположению Флоринского шлем мог иметь железный назатыльник и «... был покрыт золотом» [Археологический музей..., 1888, с. 83, 84; Примечания..., 1999, с. 164–166].

В 2007 г. одним из авторов настоящей статьи, в соавторстве с известным советским и российским археологом и оружиеведом Ю.С. Худяковым, была осуществлена повторная публикация «сузунского» шлема, в рамках которой предложенная В.М. Флоринским датировка и атрибуция шлема были существенным образом пересмотрены. В результате типологического анализа наголовья установлено, что шлем из Сузунского бора изготовлен иранскими мастерами-оружейниками по заказу представителя монгольской знати в XIII–XIV вв.* В рамках указанной статьи выдвигалось предположение о том, что на территорию Западной Сибири он мог попасть в период позднего Средневековья во время ожесточенной борьбы Шейбанидов и Тайбугидов за сибирский престол. Владельцем шлема являлся знатный сибирско-татарский воин или военачальник. Статья была проиллюстрирована тремя фотографиями, а также рисунками четырех проекций шлема [Ожередов, Худяков, 2007, с. 99]. К сожалению, в рамках публикации 2007 г., в силу различных причин, не представилось возможным привести размеры некоторых шлемовых элементов (обруча, накладок и др.), а также предложить варианты реконструкции первоначального вида наголовья. Кроме того, дополнительный детальный осмотр шлема позволил выделить ряд важных элементов украшения его тульи и обруча, которые не были зафиксированы в двух первых публикациях.

---

* При анализе декоративного оформления «сузунского» наголовья, в качестве аналогии, был привлечен шлем с фениксами, хранящийся в Венгерском национальном музее в г. Будапеште и датируемый тем же историческим периодом [Ожередов, Худяков, 2007, с. 98, 99].

Таким образом, целью настоящей статьи является уточнение некоторых особенностей конструкции и системы декоративного оформления «сузунского» шлема, а также реконструкция первоначального вида наголовья.

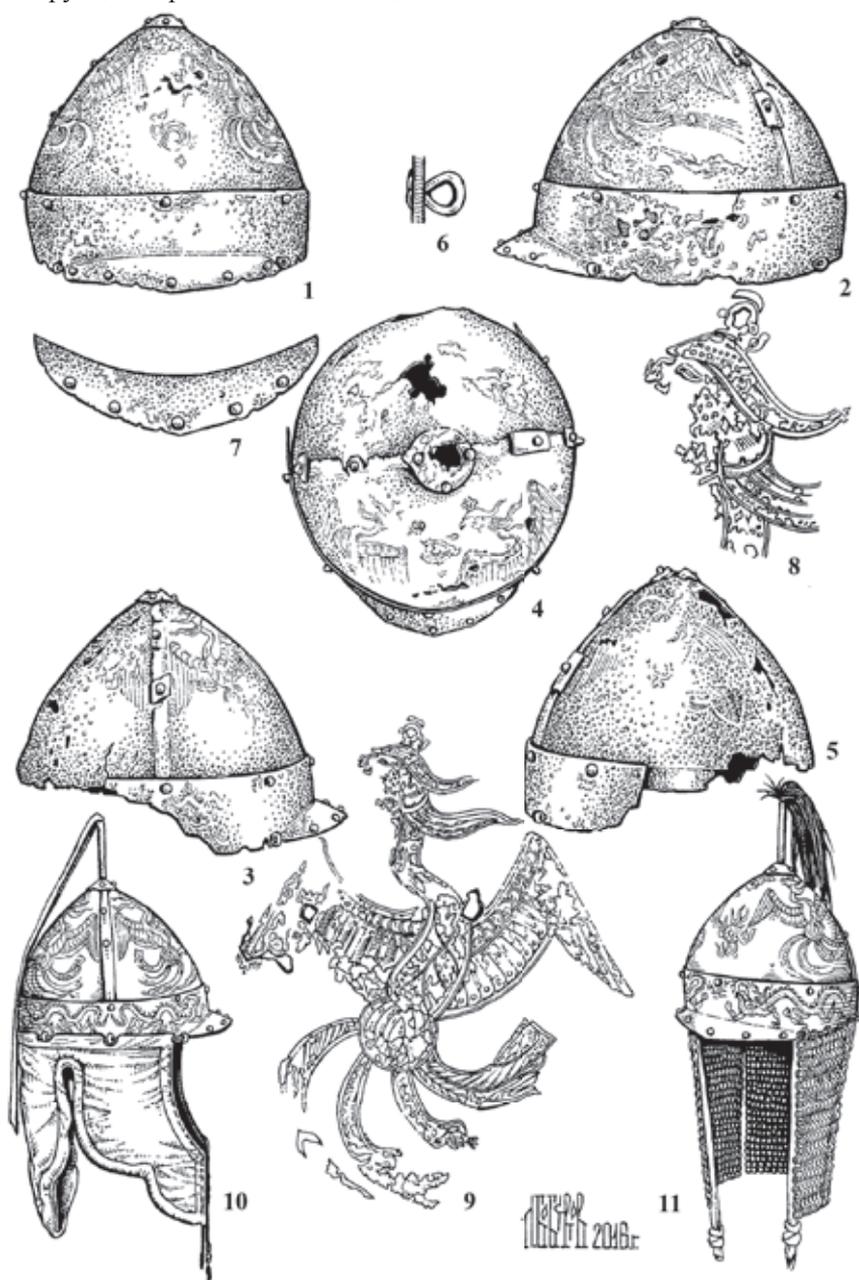

Рис. 1. Шлем из Сузунского бора (рисунки и реконструкции выполнены Л.А. Бобровым; без масштаба): 1 – вид спереди; 2 – вид слева; 3 – вид справа; 4 – вид сверху; 5 – вид сзади; 6 – петля для подвешивания бармицы; 7 – козырек (вид сверху); 8, 9 – изображение «феникса» на тугье шлема; 10, 11 – варианты реконструкции шлема

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепанных, по форме купола – к типу сфероконических (рис. 1; 2.-1). Общая высота наголовья 18,5–21 см, диаметр 21,5–22,5 см.

Тулья шлема склепана из двух широких пластин-секторов трапециевидной формы, соединенных на височных сторонах наголовья. При этом край передней (налобной) пластины незначительно перекрывает край задней (затылочной) пластины тульи (рис. 1.-2–5). Для того, чтобы купол шлема в месте их сочленения имел гладкую или хотя бы уплощенную поверхность, край затылочной пластины имеет небольшой Z-образный изгиб. При монтаже купола мастер состыковал железные сектора тульи таким образом, чтобы нижняя лопасть Z-образного изгиба располагалась под поверхностью налобной пластины, а та, в свою очередь, находилась строго на одном уровне с основной плоскостью затылочной пластины. Используя подобный технологический прием, оружейнику удалось добиться того, что клепаная тулья шлема получила практически ровную поверхность, и стало возможным прикрыть стыки пластин тульи узкими накладками с одним рядом заклепок. В результате места сочленения пластин-секторов тульи оказались защищены тремя слоями железного листа (края двух секторов и накладка), что должно было повысить надежность и жесткость конструкции, а следовательно, улучшить защитные характеристики наголовья в целом (рис. 1.-1–5; 2.-1).

Если предпринятые меры обеспечили хорошую сохранность мест стыковок секторов тульи*, то другие элементы купола шлема несут на себе следы сильных повреждений. В частности, три больших и несколько малых пробоин, а также вмятины фиксируются на затылочной пластине наголовья. Кроме того, ее правый нижний край вместе с фрагментом обруча обломан (рис. 1.-3–5). Согласно данным Осипова, это произошло в момент извлечения наголовья из земли (см. выше). Серия пробоин и разрывов присутствует и на налобной пластине шлема (рис. 1.-1, 2, 4).

Как уже отмечалось, стыки пластин-секторов, формирующих тулью «сузунского» шлема, прикрыты с внешней стороны специальными накладками. Последние представляют собой узкие (ширина – 1,3 см) железные полосы с гладкой поверхностью и ровным краем (рис. 1.-2–5). Несмотря на то, что накладки сохранились фрагментарно, система их сочленения с тульей шлема реконструируется с высокой степенью достоверности. Наиболее вероятно, что каждая накладка фиксировалась на куполе шлема с помощью пары железных заклепок, расположенных на центральной и верхней части железной полосы соответственно (рис. 1.-10; 2.-5–7; 3.-1). Кроме того, верхний край накладки, по всей видимости, зажимался подвершием, а нижний – обручем шлема.

Дополнительным фиксатором пластин тульи является железный обруч (ширина – 5 см), соединенный с тульей с помощью заклепок с массивными полусферическими шляпками**. Вдоль нижнего края обруча пробиты отверстия, в которые вставлены петли для крепления бармицы (см. ниже). Обруч сильно поврежден. Практически вся его задняя часть, а также значительный фрагмент на правой стороне наголовья обломаны и удалены. Кроме того, вмятины и пробоины фиксируются на левой части обруча. Возможно, данные повреждения были нанесены шлему в момент его извлечения из земли (см. выше).

Лицевая часть обруча выгнута в виде неширокого приостренного по центру и отогнутого вниз козырька шириной 2,5 см (рис. 1.-1–5, 7; 2.-1). Вдоль края козырька

---

* Даже после частичного удаления накладок швы на куполе шлема так и не разошлись.

** В настоящее время сохранилось шесть таких заклепок.

Рис. 2. Шлем из Сузунского бора: 1 – вид справа (фото Ю.И. Ожередова); 2 – голова феникса на левой стороне налобной пластины тульи шлема (фото Л.А. Боброва); 3 – феникс на правой стороне налобной пластины тульи (фото Ю.И. Ожередова); 4 – фениксы на затылочной пластине тульи (фото Ю.И. Ожередова); 5–7 – варианты реконструкции шлема (выполнены Л.А. Бобровым)

вбиты пять массивных заклепок, которые, возможно, служили для крепления передней лопасти матерчатого подшлемника (рис. 1.-7; 2.-5–7).

Венчает купол шлема небольшое конусовидное подвѣршие (диаметр – 3,5 см) со сквозным округлым отверстием для трубки-втулки для плюмажа (не сохранилась). Пластины тульи соединены с подвѣршием тремя заклепками с полусферическими шляпками (рис. 1.-4; 2.-2).

Вдоль нижнего края обруча вбиты три металлические петли (рис. 1.-1–3, 6). Две из них расположены по краям козырька шлема, еще одна помещена на левой стороне обруча. Каждая петля представляет собой узкую и уплощенную железную полосу, согнутую в виде каплевидного кольца. Концы петли пропущены в отверстия на обруче, расправлены и расклепаны на его внутренней стороне (рис. 1.-6). По всей видимости, первоначально наголовье было снабжено 7–9 петлями, служившими для подвешивания бармицы (рис. 1.-10, 11; 2.-5–7).

Значительный интерес представляют особенности декоративного оформления шлема из МАЭС ТГУ (рис. 1; 2).

Каждая из двух пластин тульи шлема украшена изображениями двух противостоящих китайских фениксов («фэнхуан»), выполненных в технике золотой насечки по металлу (рис. 1.-1–5, 8–9; 2). Лучшее других сохранился феникс, расположенный на левой стороне налобной пластины шлема (рис. 1.-8, 9; 2.-2). Феникс изображен в полете (с поджатыми лапами) и обращен спиной к зрителю. Он представляет собой птицу с длинной S-образной шеей (так называемым змеиным горлом), завершающейся небольшой головой с узкими глазами, загнутым клювом, «петушиным гребнем» и коронообразным хохолком. Между головой и шеей развевается длинная «грива». Крылья феникса раскрыты. Тело птицы покрыто разводами, которые, возможно, символизируют узор черепашьего панциря*. Хвост состоит из четырех длинных и пышных перьев, оформленных, согласно канону, в виде плавников рыб [Чистякова, 2007]. Между парой фениксов помещено изображение некоего округлого предмета (рис. 1.-1), по всей видимости, пламенеющей жемчужины («хочжу»). Другие изображения на передней части пластины шлема могут быть интерпретированы как языки пламени, облака или, что менее вероятно, цветы (рис. 2.-1–4).

Если рисунок на тулье «сузунского» наголовья был неоднократно описан ответственными оружиеведами, то изображения на обруче шлема долгое время не привлекали к себе внимания исследователей. Это объясняется тем фактом, что большая часть золоченых рисунков на обруче шлема в настоящее время затерта. Однако проведенный детальный анализ сохранившихся фрагментов изображений позволил установить, что на налобной части обруча шлема были размещены фигуры зверей с длинными змееобразными телами, покрытыми чешуей. Наиболее вероятно, что налобная (и, возможно, затылочная) части обруча были украшены изображениями сходящихся золотых драконов-«цзиньлун», а также жемчужин (?), языков пламени и/или облаков** (рис. 2.-5–7).

---

* Согласно китайской традиции спина феникса напоминала «черепастью» или «драконью» спину [Чистякова, 2007].

** Данный оформительский мотив сохранялся на налобниках шлемов военной аристократии Восточной Азии вплоть до XIX в. [Бобров, 2007, с. 275, рис. 8]. Если атрибуция фигур на обруче как драконов-«цзиньлун» верна, то «сузунский» шлем представляет собой самое раннее известное боевое наголовье, оформленное в подобной стилистической манере. Еще один шлем с драконами эпохи Юань или ранней Мин хранится в собрании Лондонского Тауэра [Бобров, 2015, с. 94, 97]. Однако на данном наголовье изображены не идущие драконы «цзиньлун», а нисходящие драконы-«цзянлун».

Проведенный анализ шлемовых элементов также зафиксировал следы позолоты на пластинах-накладках, козырьке и подвешии шлема (рис. 2.-2, 4). Однако в данном случае говорить о наличии каких-то отдельных изображений на данных элементах наголовья затруднительно. Наиболее вероятно, что накладки, подвешии и, возможно, верхняя плоскость козырька шлема были целиком покрыты позолотой (рис. 2.-5–7).

В настоящее время открытым остается вопрос о воронении и лаковом покрытии поверхности «сузунского» шлема. Данная тема требует специального исследования.

Собранные данные позволяют реконструировать внешний вид шлема из Сузунского бора следующим образом (рис. 1.-10–11; 2.-5–7). Тулья наголовья была склепана из двух пластин-секторов, соединенных на височных сторонах шлема с помощью двух пар заклепок, вбитых в узкие уплощенные накладки с ровным краем. Каждая из двух пластин-сегментов тульи была украшена изображением двух противостоящих фениксов с пламенеющей жемчужиной-«хочжу» между ними. Поверхность пластин-накладок, прикрывающих стыки пластин тульи, была покрыта позолотой. Шлем был снабжен широким обручем, на котором помещалось две (?) пары сходящихся драконов-«цзиньлун», а также, возможно, пламенеющие жемчужины и облака. Все изображения были выполнены в технике золотой насечки по металлу. Передняя часть обруча была выгнута в виде приостренного козырька, который частично или целиком был покрыт позолотой. Венчало шлем наверхие, состоявшее из небольшого позолоченного воронковидного подвешия с трубкой-втулкой для плюмажа. В качестве такового могли использоваться пара матерчатых лент (рис. 1.-10; 2.-5), волосяной (рис. 1.-11; 2.-7) или перьевой султан (рис. 2.-5–7). В петли на обруче шлема, вероятно, вставлялся металлический прут, к которому подвешивалась кольчатая, ламеллярная, ламинарная, пластинчато-нашивная или стеганая бармица (рис. 1.-10–11; 2.-5–7). Учитывая тот факт, что бармица не была обнаружена вместе со шлемом, последний вариант представляется наиболее вероятным (рис. 1.-10). По всей видимости, «сузунский» шлем имел кожаный или матерчатый подшлемник с лопастью-козырьком. Последний крепился к нижней стороне железного козырька шлема с помощью специальных заклепок (рис. 1.-7; 2.-5–7). Декоративный эффект в оформлении наголовья достигался за счет сочетания позолоченных фрагментов и изображений с блестящей (или, напротив, темной вороненой) тулей и обручем (рис. 2.-5–7). Вероятно, важную роль в украшении шлема играла также богато оформленная бармица и плюмаж (рис. 1.-10–11; 2.-5–7).

В завершение необходимо кратко остановиться на вопросе датировки и атрибуции шлема из Сузунского бора.

Ранее было высказано предположение о том, что рассматриваемое наголовье изготовлено в XIII–XIV вв. [Ожередов, Худяков, 2007, с. 98]. В настоящее время представляется возможным привести дополнительные аргументы в пользу предложенной датировки.

Клепанные шлемы с двухпластинчатой тулей, соединенной на боковых сторонах купола, являются относительно редкой разновидностью боевых наголовий кочевников Евразии развитого и позднего Средневековья. Известные образцы происходят с территории Восточной Европы, Сибири и Центральной Азии. Часть находок датируется монгольским временем [Горелик, 2010, с. 30, рис. 2.-3]. Позднейшие шлемы подобной конструкции относятся к XVII – началу XIX вв.* Важное значение при датировке «сузунского» шлема имеют особенности конструкции составляющих его элементов, а также декоративное оформление.

---

* См., например, шлем №1236 из собрания Государственного Эрмитажа.

Ближайшим конструктивным аналогом шлема из Сузунского бора является золотоордынский шлем, найденный на территории Приднестровья у с. Плоское в 13 км от Тирасполя (рис. 3.-2–7). Как и рассматриваемое наголовье, шлем из Приднестровья снабжен козырьком, широким обручем, узкими накладками с ровным краем, а также навершием, состоящим из конусовидного подвершия и трубки-втулки для плюмажа (рис. 3.-2–7)*. Широкий обруч (участвующий в формировании тульи) склепан у приднестровского шлема на боковых сторонах наголовья (рис. 3.-2), что напоминает технологический прием, использовавшийся оружейниками, изготовившими двухчастную тулью «сузунского» шлема, которая также склепана по височным сторонам купола (рис. 3.-1). Конусовидное подвершие «приднестровца» весьма напоминает «сузунский» аналог, хотя и имеет значительно большие размеры (рис. 3.-2–7). Еще одной особенностью, сближающей оба наголовья, является форма и конструкция накладок, прикрывающих стыки пластин тульи шлемов (рис. 3.-1–5). В обоих случаях накладки представляют собой узкие и гладкие железные полосы с ровным краем, которые фиксируются на поверхности купола наголовья с помощью двух заклепок, расположенных одна над другой (редкий конструктивный прием для средневековых наголовий номадов). Еще отметим, что на обоих рассматриваемых шлемах использовались схожие заклепки с очень массивными полусферическими шляпками, которые были вбиты не только в поверхность тульи, навершия и обруча, но и в плоскость «полки» козырька (рис. 3.-1–5).

Шлем из Плоского происходит из кургана, в котором, наряду с наголовьем, были обнаружены копье, топор, наконечники стрел, кольчуга, а также монеты золотоордынского хана Тохты (1290–1312 гг.). На основании последней находки шлем традиционно датируется концом XIII – началом XIV вв. Учитывая данный факт, было бы соблазнительно датировать тем же временным периодом и «сузунскую» находку. Однако рассматриваемые наголовья имеют не только сходства, но и важные конструктивные различия. В частности, несмотря на наличие накладок, тулья шлема из Приднестровья имеет не клепаную, а цельнокованую конструкцию**. Хотя в обоих случаях для подвешивания бармицы применялся металлический прут, система его крепления к тулье существенно различается. Если на приднестровском наголовье для этой цели используется специальный прорезной желоб***, то на «сузунском» шлеме – железные петли. Последний способ подвешивания бармицы в целом не характерен для азиатских наголовий ранее XV в. Рост популярности данного конструктивного элемента на шлемах азиатского производства пришелся на XV–XVI вв. [The Arts..., 2008, pp. 322–325; Alexander, 2015, pp. 66, 67, 69–73, 76–84, 87]. Обруч «сузунского» шлема значительно уже, чем у его молдавского аналога, и был, по всей видимости, склепан не на боковой стороне, а на затылке (рис. 3.-1). В целом, по своим размерам, конструкции и системе оформления, он гораздо ближе к обручам позднесредневековых шлемов Центральной Азии и Южной Сибири [Бобров, Худяков, 2008, с. 427–431, 435–438]. Козырек «сузунца» выгнут из обруча, а не представляет отдельную конструктивную деталь, как на приднестровском наголовье. Кроме того, на элементах «сузунского» шлема отсутствуют характерные «рубчики», типичные для ранних золотоордынских наголовий (рис. 3.-

* Ранее она часто ошибочно интерпретировалась в научной литературе как пиковидное острие.

** Авторы выражают признательность Ю.А. Кулешову за предоставленную информацию.

*** Данная система крепления бармицы типична для шлемов западной части Улуса Джучи XIII – 1-й половины XIV вв. [Горелик, 2002, с. 75; 2010, с. 30, 33].

2–5), а также знаменитый «маскарон», украшающий налобник наголовья из Плоского (рис. 3.-4, 7) и восходящий к рельефным налобным пластинам чжурчжэньских шлемов «цзиньского типа» [Бобров, 2007; Горелик, 2010, с. 38]*.

Приведенные факты позволяют предполагать, что «сузунский» шлем, хотя генетически близок к наголовью из Плоского, все же несколько моложе своего приднестровского аналога.

Существенную роль в уточнении атрибуции и датировки «сузунского» шлема играет его декоративное оформление. Образ феникса занимает исключительно важное место в традиционной культуре Китая, а по своей значимости уступает лишь дракону. Древнейшие орноморфные изображения на территории континентальной Восточной Азии восходят к эпохе неолита. Формирование классического образа китайского феникса происходило на протяжении правления династий Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), Тоба Вэй (386–534 гг.), Суй (581–618 гг.) и в целом завершилось в период династии Тан (618–907 гг.). В последующие исторические эпохи феникс продолжал оставаться одним из важнейших символов китайского изобразительного искусства. Пика своей популярности в качестве национального и государственного символа он достиг во времена правления императоров китайских династий Сун (960–1279 гг.) и Мин (1368–1644 гг.) [Чистякова, 2007].

Композиция из двух летящих в облаках фениксов, стремящихся к пламенеющей жемчужине, неоднократно встречается в материалах континентальной Восточной Азии периода развитого Средневековья (рис. 4; 5). Наиболее часто данный мотив фиксируется в качестве узора на шелковых тканях, орнаментации зеркал, посуды и т.д. Однако он также присутствует и на металлических головных уборах народов региона. Так, например, летящие с поджатыми ногами «коронованные» фениксы с длинной шеей, «гривой», петушиным гребнем и пышным хвостом изображены на налобниках корон представителей киданьской аристократии X–XI вв. Характерно, что фигуры фениксов на данных наголовьях дополнены, как и на шлеме из Сузунского бора, изображениями пламенеющей жемчужины, а также языков пламени или облаков (рис. 5.-1–2).

По всей видимости, мастер, выполнявший декоративное оформление «сузунского» шлема, вдохновлялся образом «фэнхуан юань», то есть китайского феникса, характерной чертой которого являлось оперение с преобладанием желтого цвета. Изображенный на наголовье образ «фэнхуан юань» с длинной изогнутой шеей, узкими глазами, загнутым клювом, петушиным гребнем, «гривой», раскрытыми крыльями и пышным хвостом (в своем классическом виде) сложился в Китае в эпоху династий Северная и Южная Сун (960–1127 гг., 1127–1279 гг.) и продолжал воспроизводиться на протяжении правления династий Ляо (907–1125 гг.), Юань (1271–1368), Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) [Кравцова, 2004, с. 390–391; Чистякова, 2007; Горелик, 2010б, с. 44, рис. 1, с. 47, рис. 4]. В эпоху монгольских завоеваний он был привнесен в Западную Азию, где оказался востребован (в том числе при оформлении предметов наступательного и защитного вооружения) на протяжении нескольких последующих столетий [Государева Оружейная Палата, 2002, с. 128, 129, 178, 179; *The Arts...*, 2008, pp. 27, 56, 57; Alexander, 2015, pp. 152, 153].

---

* Большинство аналогов шлема из Плоского происходят с территории западной части Улуса Джучи [Горелик, 2003, с. 231–234; 2010а, с. 29–35]. Также отметим, что общая компоновка купола (сочетание высокого цилиндрического обруча-основания и конической или сфероконической тульи) характерно не только для Приднестровья и соседних с ним территорий, но и для наголовий Северного Кавказа золотоордынского времени, с той только разницей, что на приднестровском шлеме элементы купола соединены заклепками, а на северокавказских образцах для этого часто использовалась сварка [Горелик, 2002, с. 75].

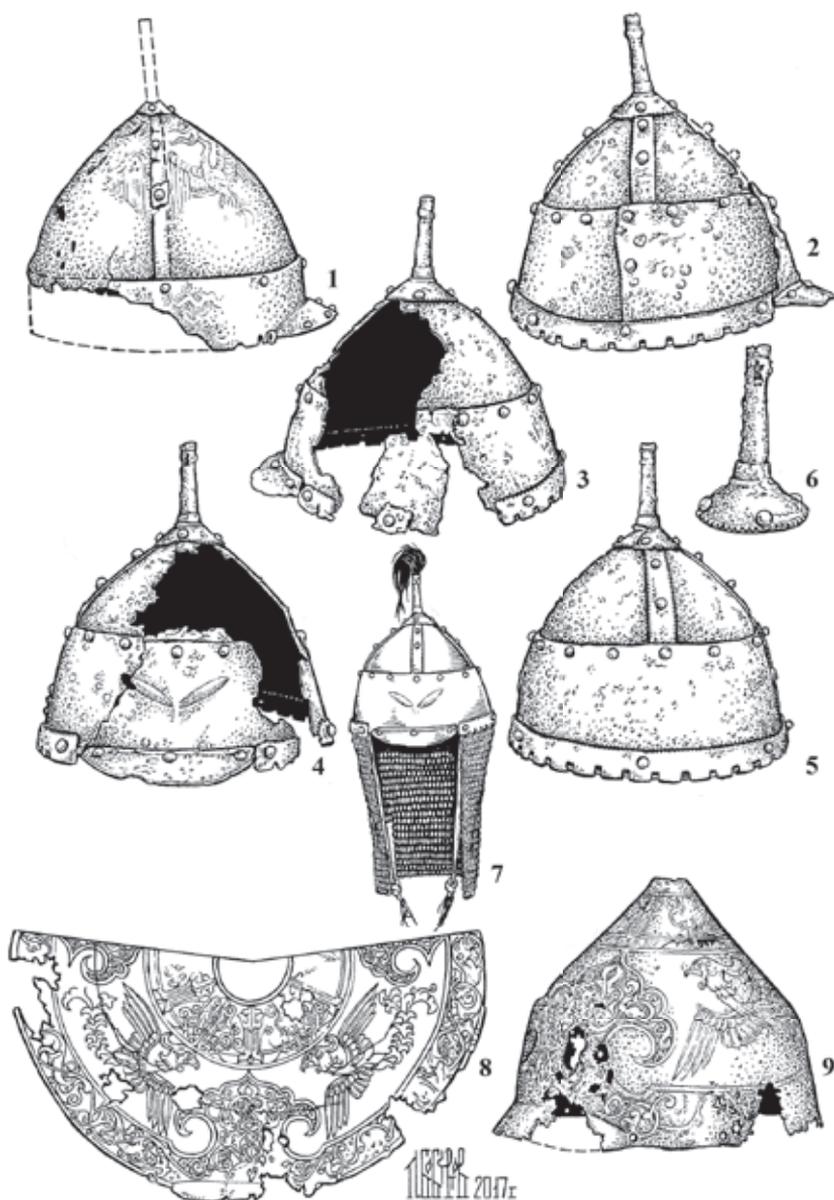

Рис. 3. Шлемы из Сузунского бора (1), из с. Плоское, Приднестровье (2–7, 7 – реконструкция) и Венгерского национального музея (8, 9) (рисунки и реконструкция выполнены Л.А. Бобровым, без масштаба)

Интерпретации комбинированных парных изображений фениксов и драконов в научной литературе весьма разнообразны*. Учитывая тот факт, что в данном случае они нанесены на предмет защитного вооружения, наиболее вероятно их трактовка

* В юаньском и минском изобразительном искусстве данный мотив прослеживается также в рисунках на шелке, настенных росписях, керамике, гравированных и чеканных изображениях по металлу и т.д. (рис. 5.-3).

Рис. 4. Изображения фениксов на «сузунском» шлеме (1), юаньских (2, 5, 6), минских (3, 4, 7, 8), среднеазиатских (9, 10), иранских (12, 13) изобразительных материалах XIII–XVI вв., шлеме из Венгерского национального музея (11)

как символа власти и одновременно благопожелание долгих лет жизни. В Минском Китае фраза «Феникс парит и летает дракон» означало «Правление могущественного и мудрого монарха». В то же время императоры династии Тан традиционно получали в день своего рождения блюдо, украшенное парой фениксов, что символизировало пожелание долголетия [Чистякова, 2007].

В настоящее время известны три ориентальных наголовья развитого Средневековья, на тулье которых помещены изображения птиц с раскрытыми крыльями. Наряду с рассматриваемым образцом защитного вооружения из Сузунского бора, это упомянутое выше наголовье из Венгерского национального музея (датированное М.В. Горе-

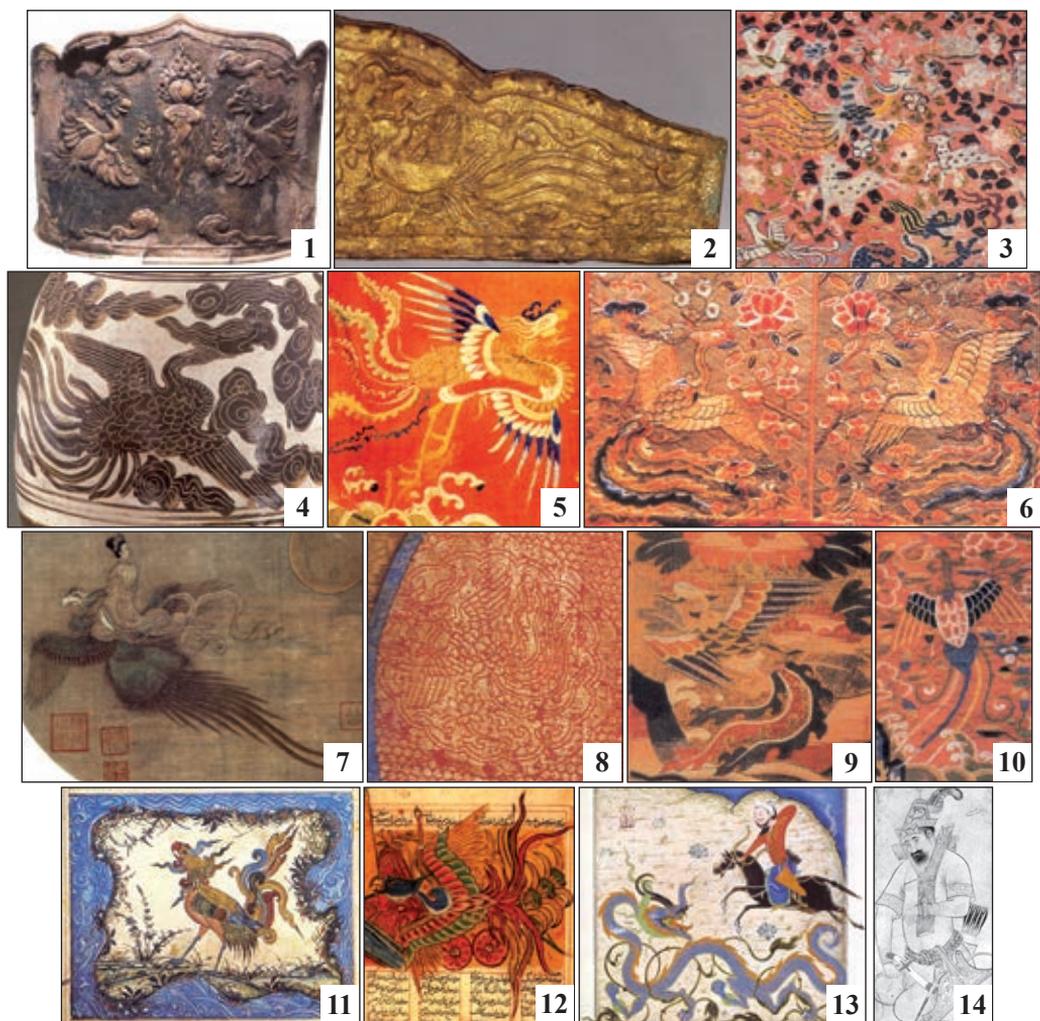

Рис. 5. Изображения фениксов и драконов в ляосском (1, 2), юаньском (3, 4, 8), минском (5, 6, 9, 10), сунском (7) и иранском (11, 12, 13, 14) изобразительном искусстве: 1 – позолоченная серебряная киданьская корона, X–XI вв., частн. колл. (по: [Горелик, 2010б, с. 47]); 2 – фрагмент киданьской золотой короны, X–XI вв., музей Чифэн (Улан-Хад), хошун Оннгод, АР Внутренняя Монголия КНР (2, 4–7, 9, 10 – по: [Чжунго чжисю фуши цюаньци (Полное собрание китайской вышивки и украшений для одежды, [том] 4). Тяньцзинь : Тяньцзинь жэньминь мэйшу чубаньшэ (Тяньцзиньское нар. изд-во изящных искусств), 2004. 506 с. (на кит. яз.)); 3 – изображения фениксов и драконов на шелке, империя Юань (1271–1368), частн. колл. (по: [Горелик, 2010б, с. 75]); 4 – юаньский сосуд, музей уезда Учунань г. Хух-Хото, АР Внутренняя Монголия КНР; 5, 6, 9, 10 – изображения фениксов на шелке, империя Мин (1368–1644); 7 – фрагмент раскрашенной картины на шелковом веере «Небожительница верхом на фениксе», империя Сун (960–1279), Гугун, Пекин; 8 – изображение феникса на ленте юаньской пелерины, 1-я половина – середина XIV в., Гугун, Пекин (по: [Горелик, 2010б, с. 63]); 11 – «Манафи аль-хайаван» Ибн Бактишу, Марага, 1298 г., б-ка Моргана, г. Нью-Йорк (11–13 – по: [Веймарн Б.В. Классическое искусство стран Ислама. М. : Изд. дом «Искусство», 2002. 496 с.]); 12 – «Шах-наме» Фирдоуси, Шираз, 1331 г., б-ка музея Топкапы, Стамбул; 13 – «Шах-наме» Фирдоуси, Шираз, 1370 г., б-ка музея Топкапы, Стамбул; 14 – «Пленный степняк», иранская миниатюра, середина XVI в. (фото К.З. Ускенбая)

ликом концом XIII в.), а также, возможно*, шлем из Городца середины XIII – начала XIV в. [Горелик, 2002, с. 77; Негин, 2013, с. 34, 36, 67]. Но два последних наголовья имеют принципиальные конструктивные отличия от шлема из Сузунского бора**. Кроме того, сам факт помещения изображения феникса на клинок или шлем, конечно, не означает, что предмет был изготовлен в эпоху существования Великой Монгольской империи. Как и во многих других случаях, изобразительная традиция оказалась намного более живучей, чем государственное образование (рис. 5.-12–13). На османском и иранском вооружении украшения в виде фигур фениксов продолжали применяться вплоть до XVI в. включительно [Государева Оружейная Палата, 2002, с. 128, 129, 178, 179; *The Arts...*, 2008, pp. 27, 56, 57; Alexander, 2015, pp. 152–153]. У тюркоязычных кочевников Средней Азии традиция размещения фениксов на головных уборах также сохранилась как минимум до середины XVI в. (рис. 4; 5.-14)***.

В данной связи для датировки находки из Сузунского бора значительный интерес представляют стилистические особенности изображения птиц на тулье шлема.

До нашего времени дошли несколько сотен изображений фениксов периодов развитого и позднего Средневековья, выполненных мастерами континентальной Восточной Азии и Мусульманского Востока (рис. 4; 5). Проведенный сравнительный анализ показал, что по стилистике изображения феникс на «сузунском» шлеме наиболее близок своим собратьям в юаньской, ранней минской, а также (в меньшей степени) переднеазиатской иконографии конца XIII–XV вв. (рис. 4; 5). При этом, по сравнению с птицей на шлеме из Венгерского национального музея (рис. 3.-8–9), «сузунский» феникс более «ориентален» и близок к своим дальневосточным прототипам (рис. 4.-2–8). Так, в частности, если корпус «венгерского» феникса расположен почти горизонтально, а сам он имеет короткую шею и характерный трубчатый хвост (рис. 3.-8; 4.-11), хорошо известный по иранской миниатюре XIV в. (рис. 4.-12; 5.-12), то его «сузунский» собрат отличается вертикально расположенным корпусом, длинным и изогнутым «змеиным горлом», а также пышным хвостом из широких и длинных перьев (рис. 4.-1). Данные элементы, а также коронообразные хохолки в комбинации с «петушиным гребнем», «гривой», полураскрытыми крыльями и характерной формой тела типичны для изображений дальневосточных фениксов конца эпохи Юань и начала Мин (рис. 4; 5.-3–6, 8–10).

* Рисунок на шлеме из Городца сильно затерт, поэтому атрибуция птицы как феникса носит предположительный характер [Негин, 2013, с. 34].

** Оба упомянутых экземпляра защитного вооружения снабжены цельнокованой тульей, а шлем из Городца имеет альтернативную систему защиты лица. Так, в частности, вместо козырька на нем используется железная полумаска [Горелик, 2002, с. 77; Негин, 2013].

*** Интересно, что орнамент на колпаке кочевника-узбека на иранской миниатюре весьма близок рисунку на тулье цельнокованого шлема из Венгерского национального музея. Так, в частности, в обоих случаях изображения фениксов соседствуют с характерным орнаментом и «имперскими» трехлепестковыми бутонами с отогнутыми в сторону боковыми лепестками (рис. 3.-8, 9; 4.-11, 13; 5.-14). Данный факт, а также конструкция и форма купола шлема из Венгерского национального музея позволяют предположить, что он был изготовлен позднее конца XIII в., вероятно в XIV – начале XV вв. В пользу данной версии свидетельствуют изображения трехлепестковых цветочных бутонов в комбинации с парами противостоящих птиц (фениксов?) на шелковых ламбрекенах Средней Азии последней трети XIV в. [Горелик, 2011, с. 89]. Также хотели бы обратить внимание на тот факт, что тот же мотив в виде трехлепестковых «имперских» цветочных бутонов (но уже без фениксов) фиксируется на знаменитых шлемах с личинами XV–XVI вв. (ОР-2055; ОР-2056) из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля.

Таким образом, на основании особенностей конструкции и системы оформления, шлем из Сузунского бора может быть датирован самым концом XIII – началом XV вв. Наиболее вероятной датой изготовления шлема, по всей видимости, следует считать середину XIV в.

Значительно сложнее определить место изготовления рассматриваемого наголовья. В условиях существования синкретичной имперской чингизидской культуры, распространившейся от Китая до Восточной Европы, место возможного изготовления шлема, конечно, не может быть ограничено исключительно Хулагуидским и Постхулагуидским Ираном. Сочетание подчеркнуто ориентального (юаньско-минского) декоративного оформления с конструктивными решениями, характерными для западных районов бывшей Монгольской империи, позволяет выделить еще, как минимум, два возможных центра изготовления шлема – городские мастерские чагатайско-угэдзидской* Средней Азии и джучидской Золотой Орды**. При этом в любом из указанных случаев заказчиком и первоначальным владельцем наголовья, украшенного золотой насечкой, являлся представитель высшей знати одного из Чингизидских государственных образований.

По всей видимости, богато оформленный шлем продолжал использоваться на протяжении длительного исторического периода. В этой связи мы солидаризуемся с ранее высказанным мнением о том, что шлем мог оказаться «...в Сузунском бору в результате бурных событий, связанных с распадом Золотой Орды, борьбой за власть между Шейбанидами и Тайбугидами в Сибирском ханстве, когда военно-политические и культурные связи со Средней Азией были особенно сильны» [Ожередов, Худяков, 2007, с. 99].

Библиографический список

Археологический музей Томского университета. Томск : Типография Михайлова и Макушина, 1888. 155 с.

Бобров Л.А. Шлемы «цзиньского» типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции // История и культура Улуса Джучи. Казань : АН РТ, 2007. С. 267–287.

Бобров Л.А., Пастухов А.М., Белоусова Н.Е. Шлемы цинских императоров XVII – начала XVIII вв. (по материалам Хуанчао лица туши) // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 1. М. : Институт востоковедения РАН, 2015. С. 90–101.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб. : Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М. : ООО «Вост. горизонт», 2002. 84 с.

Горелик М.В. Монголо-татарские шлемы с маскаронами // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Владивосток : Дальнаука, 2010а. С. 28–43.

Горелик М.В. Введение в историю раннего монгольского костюма X–XIV века (по изобразительным источникам) // Батыр. 2010б. №1. С. 16–79.

---

* В том числе раннетимуридской.

** Принимая во внимание значение Джучидов для истории Западной Сибири, а также учитывая тот факт, что ближайшая аналогия «сузунского» шлема происходит с территории Приднестровья, версия золотоордынского происхождения шлема не представляется чем-то невероятным. В случае золотоордынской атрибуции шлема можно предполагать, что в качестве образца декоративного оформления могли использоваться изображения фениксов на предметах средне- и восточноазиатского импорта.

Горелик М.В. Костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин (проблема монгольской нераспашной одежды и других элементов костюма) // Батыр. 2011. №2. С. 59–91.

Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб. : Лань : ТPIADA, 2004. 960 с.

Негин А.Е. Шлем из Городца. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2013. 96 с.

Ожередов Ю.И., Худяков Ю.С. Сузунский шлем // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №1 (29). С. 93–99.

Отношение главного инспектора училищ Западной Сибири в Строительный комитет о передаче железного шлема в Сибирский университет // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17. Л. 72–72об.

Отношение Строительного комитета главному инспектору училищ Западной Сибири о получении железной каски, пожертвованной для музея Сибирского университета // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17. Л. 73.

Примечания к описанию Археологического музея Сибирского университета. Томск : Типография Михайлова и Макушина, 1888. 276 с.

Чистякова А.Н. Происхождение и эволюция образа феникса в культуре Китая по данным археологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007. 26 с.

Alexander D.G. Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York : The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan : Skira, 2008. 416 p.

References

Arkheologicheskiiy muzey Tomskogo universiteta [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk : Tipografiya Mikhaylova i Makushina, 1888. 155 p.

Bobrov L.A. Shlemy “tszin’skogo” tipa: konstruktivnye osobennosti i voprosy evolyutsii [Helmets of “Jin” Type: Constructive Features and Evolution Issues]. Istoriya i kul’tura Ulusa Dzhuchi [History and Culture of Ulus Juchi]. Kazan’ : AN RT, 2007. P. 267–287.

Bobrov L.A., Pastukhov A.M., Belousova N.E. Shlemy tsinskikh imperatorov XVII – nachala XVIII vv. (po materialam Khuanchao litsi tushi) [Helmets of the Qing Emperors of the 17th – early 18th Centuries (Based on the Materials of Huangchao Lycie Carcasses)]. Obschestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLV, ch. 1 [Society and the State in China. Vol. XLV, Part 1]. M. : Institut vostokovedeniya RAN, 2015. S. 90–101.

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral’noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov’ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII vv.) [Arms and Tactics of Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and New Times (the 15th – First Half of the 18th I Century)]. SPb. : Fak-t filologii i iskusstv SPbGU, 2008. 770 p.

Gorelik M.V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie [Army of Mongol-Tatars of the 10th–14th Centuries. Military Art, Equipment, Weapons]. M. : OOO “Vost. Gorizont”, 2002. 84 p.

Gorelik M.V. Mongolo-tatarskie shlemy s maskaronami [Mongol-Tatar Helmets with Mascarons]. Voennoe delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevneyshikh vremen do nachala XX veka [Military Art in the Asia-Pacific Region from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century]. Vladivostok : Dal’ nauka, 2010a. Pp. 28–43.

Gorelik M.V. Vvedenie v istoriyu rannego mongol’skogo kostyuma X–XIV veka (po izobrazitel’nym istochnikam) [Introduction to the History of the Early Mongolian Costume of the 10th–14th Century (according to Figurative Sources)]. Batur. 2010b. №1. Pp. 16–79.

Gorelik M.V. Kostyum zlotoordyntsa iz pogrebeniya u khutora Tormosin (problema mongol’skoy neraspashnoy odezhdy i drugih elementov kostyuma) [Costume of the Golden Horde from the Burial at the Tormosin Farm (the Problem of Mongolian Close Clothing and Other Elements of the Costume)]. Batur. 2011. №2. Pp. 59–91.

Kravtsova M.E. Mirovaya khudozhestvennaya kul’tura. Istoriya iskusstva Kitaya [World Art. History of Art in China]. SPb. : Lan’ : TPIADA, 2004. 960 p.

Negin A.E. Shlem iz Gorodtsa [The Helmet from Gorodets]. Nizhniy Novgorod : Izd-vo NNGU, 2013. 96 p.

Ozheredov Yu.I., Khudyakov Yu.S. Suzunskiy shlem [Suzun Helmet]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2007. №1 (29). Pp. 93–99.

Otnoshenie glavnogo inspektora uchilishch Zapadnoy Sibiri v Stroitel'nyy komitet o peredache zheznogo shlema v Sibirskiy universitet [The Resolution of the Chief Inspector of the Schools of Western Siberia to the Construction Committee on the Transfer of the Iron Helmet to Siberian University]. *GATO*. F. 103. Op. 1. D. 17. L. 72–72ob.

Otnoshenie Stroitel'nogo komiteta glavnomu inspektoru uchilishch Zapadnoy Sibiri o poluchenii zheleznoy kaski, pozhertvovannoy dlya muzeya Sibirskogo universiteta [The Resolution of the Construction Committee to the Chief Inspector of the Schools of Western Siberia about the Receipt of the Iron Helmet Donated for the Museum of Siberian University]. *GATO*. F. 103. Op. 1. D. 17. L. 73.

Primechaniya k opisaniyu Arkheologicheskogo muzeya Sibirskogo universiteta [Notes on the Description of the Archaeological Museum of the Siberian University]. Tomsk : Tipografiya Mikhaylova i Makushina, 1888. 276 p.

Chistyakova A.N. Proiskhozhdenie i evolyutsiya obraza feniksa v kul'ture Kitaya po dannym arkheologii : avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [The Origin and Evolution of the Image of the Phoenix in the Culture of China according to Archaeology: Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Novosibirsk, 2007. 26 p.

Alexander D.G. *Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art*. New York : The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan : Skira, 2008. 416 p.

L.A. Bobrov, Yu.I. Ozheredov

ONCE AGAIN ABOUT THE “SUZUN” HELMET

The article considers a riveted iron helmet stored in the funds of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University. The headpiece was found in the late 19th century in the Suzunsky pine forest in the vicinity of the Osinino lake (currently – the Suzunsky district of the Novosibirsk region). The helmet has already twice been the object of scientific research (in 1888 and 2007). The present work analyzes the elements of the helmet design which have not previously attracted the attention of researchers (the system of attaching of a camail, images of dragons on a hoop, etc.), and variants of the original type of headpiece are reconstructed. The previous assumption about the dating of the helmet to the periods of the developed and late Middle Ages has been confirmed. It is established that the closest constructive analogue of the considered sample of protective weapons is the Golden Horde helmet of the end of the 13th – early 14th centuries found on the territory of Transnistria in the Ploskaya village. The most exact analogues of phoenix images on the crown of the helmet originate from the territory of the Yuan and Minh China in the 14th–15th centuries. Based on the analysis of the design and the decorative design system, the Suzun helmet is dated to the end of the 13th – early 15th centuries. The most probable date for manufacturing a helmet is the mid-14th century. The question of the place of production of the helmet remains open. Along with Iran, it could have been forged in the urban craft centers of Central Asia or the Golden Horde. The customer and the first owner of the helmet was probably the noble warrior of one of the Chingizid states of the period under consideration. Apparently, the richly decorated headpiece continued to be used for a long historical period. On the territory of Western Siberia, it could fall in the course of military conflicts caused by the disintegration of the Golden Horde.

Key words: Western Siberia, Mongolian Empire, Iran, Golden Horde, protective weapons, helmet.